

UOT 101.1

УЧЕНИЕ ПЛАТОНА О МУДРОСТИ

Б.А.ЮСИФ

Бакинский Государственный Университет
m.vusale@mail.ru

Учение Платона о мудрости является великолепным сочетанием передовой философии и художественной литературы. Три части философии: общая, специальная и практическая, также участвующие в смешанном виде в указанном сочетании, создают в нем еще более сложные и привлекательные многосерийные представления. Автор статьи решил идеи Платона о мудрости, так или иначе относящиеся к трем отделам философии и рассыпанные по бесчисленным страницам его диалогов, собрать и критически изложить в трех частях данной статьи: где-то в начале – общефилософские, в середине – специальные, а в конце – практические. Учитывая первостепенное значение общей философии, особенно диалектики, Платон выдвинул 25 категорий последней, среди которых подчеркнул сущность, единое и многое, считая их важнейшими и проблемными. Рассмотрение Платоном идеи «два начала», т.е. двух противоречивых сил, тенденций применительно к деятельности человека, идеального государства, а также современных ему греческих полисов, свидетельствует о том, что гениальный афинец по вопросам специальной и практической философии вплотную подошел к научной диалектике.

Ключевые слова: мудрость, бытие, сущность, развитие, противоречие, единое, многое, добродетели, справедливость, прекрасное, человек, идеальное государство

Одно из главных достижений творчества Платона (427-347 до н.э.) и Аристотеля (384-322 до н.э.) состоит в том, что выдвинутые ими разумные диалектико-логические, социально-политические, этические и эстетические идеи в соответствии с запросами своего времени вполне реализовали начатое Сократом огромной важности дело коренного поворота философии в сторону исследований важнейших и достаточно острых проблем жизни и деятельности человека, общества, государства. При этом они опирались также на значительные философские и научные достижения предшествующих греческих и других мыслителей. Высоко оценивая творчество последних, критически осмысливая, анализируя, обобщая и существенно обогащая их учение, таким же образом, осваивая различные идейные течения своего времени, Платон и Аристотель подняли философию на качественно новую, гораздо более высокую ступень, ни-

кем до сих пор непревзойденную по силе своей значимости, общественно-политической важности.

Другим главным их достижением, вытекающим из первого, стало появление содержательного, разнообразного, глубокого и интересного учения, которое как бы само собою, естественно распределилось в целостном их творчестве, разумеется, у каждого из них своеобразно по трем отделам философии, необходимо предполагающих друг друга, взаимодействующих и взаимообогащающих:

I. **Общая философия**, состоящая из двух взаимосвязанных, взаимопроницающих сторон: диалектики и своеобразного мировоззрения.

II. **Специальная философия**, исследующая философские проблемы того или иного важного предмета познания действительности, например, природы, человека, общества, государства, той или иной социальной группы, искусства и т.д., осуществляющаяся обычно под идеологическим, теоретическим, методологическим воздействием вышеуказанных сторон общей философии.

III. **Практическая философия**, представляющая собой применение истинных или иных, скажем, околоистинных, или просто ошибочных положений первого и второго отделов философии к предметно преобразовательской деятельности людей, различных, больших или малых социальных образований, главным образом, полисов.

Итак, подчеркиваю еще раз – данное мнение о структуре философского учения Платона сложилось у меня лишь на основе исследования его собственного творчества. На деле же, насколько мне известно, ни он сам, ни исследователи его учения о подобной структуре не писали. Известный специалист по истории философии Гегель писал: «философия распадается у Платона на **три части: первая** есть диалектика, движущаяся в чистых понятиях... **Вторую** часть составляет у Платона нечто вроде философии природы... **Третью** часть составляет философия духа, этика, и главным образом, его воззрение о совершенном государстве» (7, т. 2, 154). Если бы имелась какая-либо иная информация о структуре философии Платона, несовпадающая с данным мнением Гегеля, то он обязательно среагировал бы на это.

Над всей философией идеального государства и тремя ее отделами, по учению Платона, возвышается мудрость, поскольку среди добродетелей этого государства, отмечает он в диалоге «Протагор», «мудрость – величайшая» (2, 330a) и решающая, призванная управлять ими в целях обеспечения восходящего развития данной философии и данного государства в их неразрывном единстве. Учитывая также первостепенное значение общей философии, особенно центральной ее части, диалектики, Платон писал: она, «будет у нас подобной карнизу, венчающему все знания, и было бы неправильно ставить какое-либо иное знание выше нее:

ведь она вершина их всех» (3, т.3, ч.1, 534е). Более того, он тщательно собирал и исследовал категории диалектики, выдвигая новые, размещенные по многочисленным его произведениям. В результате изучения этих категорий набралось в моем списке довольно внушительное для того времени число этих всеобщих понятий. Представляю их в таком порядке: **бытие, движение, покой, тождество, различие** (так называемые, основные или главные, из которых, по Платону, якобы формируется система диалектики. Поэтому они подчеркнуты мною); далее идут сущность, единое (одно), многое (все), изменение, развитие, восхождение, нисхождение, противоположности, противоречие, возникновение, уничтожение, целое, части, новое, старое, причина, следствие, качество, количество, мера.

Однако рационально воспользоваться данными категориями, как ни странно, Платону не удалось. Так, на путях построения из них необходимой научной системы допускает он неожиданную оплошность, заключающуюся в отступлении его от мудрости и переходе в явное неразумие. Дело в том, что вместо того чтобы единой мощью всех перечисленных необходимых диалектических категорий, притом в достаточной мере предварительно разработанных, включиться в сложнейшую и труднейшую операцию по созданию научной диалектики, Платон воспользовался услугой лишь пяти первых, подчеркнутых. Называя в «Софисте» и «Пармениде» бытие, движение, покой, тождество, различие высшими родами всего сущего, указывая также на мнимую противоположность их будто на том основании, что каждый из них есть и не есть, и равен и не равен самому себе и пребывает как тождественный самому себе и переходит в иное по отношению к самому себе, в противоположное самому себе. На самом же деле тут нет никакой противоречивости, а действуют между кажущимися противоречивыми сторонами лишь принцип дополнительности. В данной связи крупный исследователь творчества Платона В.Асмус верно заметил: «диалектика» Платона отнюдь не есть учение о развитии через противоположности. Система Платона не знает никакой истории, никакого развития; для нее характерны цикличность и повторение уже бывшего (6, 100).

Эта пустая и ошибочная система о бытии, возникшей путем своеобразного сочетания известных элементов учений Гераклита (например, все в мире есть течение, подобно реке, в которое «нельзя войти дважды» (1, 9), Парменида, (например «цельное все, без конца, не движется и однородно» (1, 11), Зенона (Аристотель приводит четыре его известные рассуждения, апории о невозможности логического обоснования движения (1, 18-21); она содержит также, по Платону, соответственно, своему эйдосу (идее) безудержную устремленность к восходящему движению. Это дополнение не имеет, разумеется, реального основания в действи-

тельности, является лишь пустым представлением, висящим как бы в воздухе. На деле же всякое развитие выступает как единство восходящего и нисходящего направлений движения. Тем не менее объективные идеалисты, ухватываясь за подобные, якобы реально существующие идеи, выдавая их за подлинную действительность, вели в истории философии борьбу за укрепление, распространение, все большее признание своего учения. При этом они для пополнения этой, почти что пустой, тощей идеи правомерно воспользовались авторитетом, величием, богатейшим творческим наследием Платона, где наряду с подобными ошибочными представлениями имеет место очень много истинных и ценных положений, о которых говорилось выше и продолжится ниже.

Необходимо указать также на заинтересованность этих идеалистов, как и всех остальных идейных течений в приобретении понятных успехов в духовной сфере общества, например, как желание реалистов одержать верх в столкновении с номиналистами в средних веках, а также социально-политических областях, возможно, даже в софистических целях, где крупным фактом выступает гегелевская «Наука логики», лейтмотивом которой является вышеотмеченная тощая и ошибочная диалектика Платона, принятая Гегелем за научную, вследствие чего его «Наука логики» неизбежно стала ошибочной и вредной, поскольку достаточно долгое время принималась в качестве высшей науки.

Кстати, по поводу данного отношения Гегеля к Платону В.Асмус имеет противоположную, явно ошибочную точку зрения: «То, что Гегель взял у Платона, было лучшей, диалектической стороной философии Платона» (6, 207). В ответ повторяю, какая-либо приемлемая диалектическая система может образоваться только и только в том случае, если все необходимые для этого категории в достаточно разработанном виде принимают участие в формировании ее. У Платона же действует в ней, как было отмечено, лишь пятеро из них, с «помощью» которых он как бы заколдовал себя в цепи этих пяти и заколдовал ими последователей своих. *Заколдование это имеет почти что 2500 летнюю историю: платонизм, неоплатонизм, Кант, Гегель, Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин и многие марксисты также заразились софистикой, выдавая свое ложное учение, сознательно или несознательно, за истинное, пользуясь им в своих частных интересах. Под воздействием данной софистики некоторые крайне жестокие формы этой софистики, например, коммунизм, империализм, большевизм, фашизм приняли ошибочную диалектику Платона-Гегеля, создали на этом основании свою антинародную идеологию, социально-политическую теорию, представляя ее в распоряжение общественности во многих странах мира за истинную, что приводила, как известно, к тяжелым социальным бедствиям, потрясениям, в частности, к двум мировым войнам. Если бы вместо этого они приступили к самос-*

тоятельными исследованиями всех необходимых категорий диалектики вновь и вновь, то удачные пути и средства постижения научной диалектики и философии, возможно давно находились бы. То же самое можно сказать относительно тех философов, которые давно отворачивались, например, позитивисты и многие другие, от диалектики, в настоящее время, могут и должны взяться за благое, мудрое дело создания научной диалектики, в которой остро нуждается все современное и будущее человечество. Относительно же заблуждения Платона, сделавшего в то древнее время первую попытку в данном, поистине сложном и трудном направлении познания диалектики, можно сказать, что это скорее всего подобно ученому незнанию. О последующих же авторах, повторяющих данное заблуждение, нельзя этого сказать.

О глубокомысленной учености и мудрости Платона свидетельствует также то, что он в ряд категорий диалектики впервые внес очень важное общее понятие «сущность» и называл «диалектиком» того, кому доступно доказательство сущности каждой вещи» (4, т. 3, ч. 1, 534в) Главное назначение мудрости, высшей разумности состоит, по Платону, в постижении сущности вещей. А для этого «требуется знать, что же именно подвергается обсуждению, иначе неизбежны сплошные ошибки. Большинство людей и не замечает, что не знает сущности того или иного предмета: словно она им уже известна, они не уславливаются о ней в начале рассмотрения; в дальнейшем же его ходе, это, естественно сказывается: они противоречат и сами себе и друг другу» (3, т.2, 237е.).

Кстати, с тех пор и по настоящее время огромное большинство людей, если не сказать все человечество, не разобралось как следует в мысленном содержании этой важнейшей категории. Дело в том, что история философии все еще не вырабатывала более или менее вразумительного ответа на вопрос о том, что такое сущность. Во второй половине XX столетия в советской философской печати каждый год выпускалось немало книг, статей, посвященных диалектике, ее законам и категориям, в том числе и сущности. В течение двух десятилетий я насчитал в своем списке свыше пятидесяти различных определений по ней, столько же по диалектическому противоречию. И вот среди них не оказалось ни одного верного определения относительно этих двух фундаментальных категорий. Итак, потеряв всякую надежду на успехи в деле создания научной диалектики, Советы повторили ошибки западных стран, так же выбросив диалектику за борт своего философского корабля на произвол судьбы. Тем временем объективная диалектика всей нашей планетарной действительности, поскольку оставалась непознанной, действовала и продолжает действовать, как всегда в таких случаях, слепо и неумолимо всей своей стихией, сумевшей смести с исторической арены такую громадину, как СССР. Именно, соответственно, этой

стихии развитие Земли совершается опасными кувырками, сопровождаясь страшными социальными, да и природными, частично и по вине человека, потрясениями, катаклизмами.

Платон среди категорий диалектики особое внимание обратил также паре единое и многое. «когда мы созерцаем тождественное: одно и то же, - писал он, – мы видим и как единое и как бесконечное множество... они принадлежат к тем познаниям, которые мы искали. Воину необходимо их усвоить для войскового строя, а философу – для постижения сущности, всякий раз как он вынырнет из области становящегося, иначе ему никогда не стать мыслителем» (4, т.3, ч.1, 525ав). Какое большое значение он придавал делу познания данной пары, обнаруживается также в следующих его словах: «если я замечаю в другом природную способность охватывать взглядом единое и множественное, я гоняюсь следом за ним по пятам, как за богом. Правильно ли или нет, я обращаюсь к тем, кто это может делать, знает бог, а называю я их и посейчас диалектиками (3, т.2, 266в.).

Однако у Платона вопрос, в чем конкретно состоит особая роль данной пары в познании сущности, к сожалению, остался открытым, притом до сих пор, а Платон тут, конечно, не причем. Словами данной цитаты он свою роль прекрасно исполнил тем, что еще большее внимание читателей ему современных и будущих привлек к этой очень важной и интересной паре, показывая им верный путь для постижения сущности.

В процессе многолетних исследований вопросов диалектики у меня сложилось твердое убеждение в том, что особое назначение рассматриваемой пары состоит в ее ключевой роли в преодолении всяких чувственных и мысленных затруднений, а также в открытии истинных путей, средств познания и освоения сущности вообще, применительно к каждой вещи, каждому человеку, каждому обществу в отдельности. Осуществление данной задачи покажет, на творение какого великого чуда способна пара единое (одно) и многое (все).

Высоко оценивая значение раскрытия творческих возможностей мудрости, Платон старался усиленно ее разрабатывать в своих трудах, призывая сотрудников Академии и других сведущих мыслителей принимать активное участие в этом важном деле, о чем, в частности, свидетельствуют нижеследующие мысли из его «Послезакония», «Мы выясняем, каким образом мы можем стать мудрыми, словно каждый человек имеет эту возможность. Между тем мудрость убегает от нас, когда мы приближаемся к разумности, так называемых, искусств, ученых занятий и других тому подобных вещей, относимых нами к знаниям, тогда как ничто из этого не заслуживает такого обозначения, раз вся мудрость этих занятий обращена на человеческие дела. А ведь душа человека твердо уверена в этой мудрости и заявляет, что по своей природе она каким то

образом может ее обрести» (5, т.3, ч.2, 974, в.с.). Тут Платон не доволен тем, что мудрость представителей искусства, ремесленников, многих ученых ограничивается решением вопросов человеческого материального существования. Вся мудрость их обращена на решение таких дел. Поэтому мудрость в полной и высшей мере не раскрывается. В то же время она желает подняться до этой меры.

Высшей же мудростью, по Платону, является наука о числе (арифметика, математика) и небе (астрономия), поскольку она дает нам много других благ. «В самом деле, - касаясь неба, пишет Платон, - кто обратится к правильному его созерцанию – Космосом ли, Олимпом и небом ему угодно будет его называть (и пусть называет!) – тот будет улавливать разнообразные перемены в себе самом, происходящие под влиянием обращения звезд, смены времен года... Самым же главным будет, если человек, получив от него в дар числа, разберется в его кругообращении в целом» (5, т.3, ч.2, 977 ав).

Указывая на то, что между противоположностями мудрость и невежество имеется нечто среднее – здравомыслие, Платон обращает внимание на затруднение заключающееся в том, что, душа человека «не очень - то может найти, в чем состоит эта мудрость, когда она появляется и каким образом приходит» (5, т.3, ч.2, 974 с) Далее, здесь же он с сожалением констатирует, что именно на такое состояние человеческой души походит наше тенерешное затруднение в вопросе о мудрости. Говоря о некоторых подобных затруднениях своего времени, Платон утверждает: «чрезвычайно трудно решить, каким образом люди могут стать хорошими» (5, т.3, ч.2, 979 с). Еще: «Любой человек согласится с другим, что душа должна быть справедливой, рассудительной, мужественной, а также и мудрой, но какова эта мудрость - здесь... большинство людей совершенно расходится друг с другом во взглядах» (5, т.3, ч.2, 979). Вот еще на один необычный и интересный вид мудрости обращает внимание Платон: «человек кажется мудрым, когда усваивает то, о чем мы разобрали. Но действительно ли мудр и благ человек, знающий в этом деле толк, вот в чем надо дать себе отчет» (5, т. 3, ч. 2, 979).

Отмеченные тут Платоном затруднения в познании мудрости, характерны для всех времен. Ибо всегда недостает мудрости во многих важнейших делах человеческого существования, что известно, можно сказать, всем.

Следовательно, задача мудрости в настоящее время в первую очередь и главным образом состоит в самопознании. То же самое можно сказать о самой философии. Обе должны критически относиться и себе и всему окружающему.

Рассмотрение Платоном важных вопросов второго отдела философии, в частности, применение понятия мудрости к человеческой дея-

тельности, общественной жизни считаю целесообразным начинать с приведения интересной цитаты из его диалога «Федр»: «Следует обратить внимание, что в каждом из нас есть два каких-то начала, управляющие нами и нас ведущие; мы следуем за ними куда бы они ни повели; одно из них – врождённое; это влечение к удовольствиям; другое – приобретенное нами мнение относительно нравственности и стремление к ней. Эти начала в нас иногда согласуются, но бывают, что они находятся в разладе и верх берет то одно, то другое. Когда мнение о нравственности разумно сказывается в поведении и своею силою берет верх, это называют рассудительностью. Влечение же неразумно направленное на удовольствия, возобладавшее в нас своею властью, называется необузданностью» (3, т.2, 237 e d – 238 a). Данная характеристика противоположностей психической деятельности человека является одним из верных шагов в направлении познания диалектического ее противоречия. Если же подобную характеристику противоположностей распространить на все остальные стороны человеческой деятельности, например, экономическую или политическую и т. д., а в итоге и целостной деятельности, то можно получить уже истинное представление о сущности человека. А если таким же образом, исследовать государство или общество вплоть до их целостности, то получим тот же результат с той же верной противоречивостью. Приобретается таким образом, очень важное предварительное истинное знание о человеке, государстве и обществе.

В этом направлении исследования активно участвуют также привлекаемые Платоном родовые понятия, относящиеся, как мы уже знаем, ко второму отделу, то есть специальной части ее философии: благое, мудрое, истинное, прекрасное, справедливое, законное, рассудительное («сдерживающая мера»), гармоничное, доблестное, порядочное. Все они выступают в качестве добродетелей обрисованного им совершенного, идеального государства. Так что, они как во многом совпадающие между собой, тесно взаимодействующие, взаимопроникающие могут и определяться также с помощью друг друга. Вот некоторые высказывания по данному поводу самого Платона: «Итак, если мы не в состоянии уловить благо одной идеей, то поймаем его тремя – красотой, соразмерностью и истиной; сложив их как бы воедино, мы скажем, что это и есть действительная причина того, что содержится в смеси, и благодаря ее благодати самая смесь становится благом» (4, т.3, ч.1, 65); «Всего справедливее было бы назвать самой большой мудростью прекраснейшую и величайшую гармонию» (5, т.3, ч. 2, 589 d). По мнению Платона, перечисленные понятия в условиях близкой взаимосвязи и взаимоподдержки обогащают и усиливают друг друга. Каждая из них приобретает реальную возможность стать могучей общественно полезной силой лишь в том случае, если подобную же силу всех остальных или многих из них сумеет соеди-

нить с собственной в целях успешного решения задач совершенного государства. «Мы еще в начале, когда основывали государство, – советует Платон – установили, что делать это надо непременно во имя целого. Так вот это целое и есть справедливость или какая-то ее разновидность. Мы установили, что каждый отдельный человек должен заниматься чем-нибудь одним из того, что нужно в государстве, и притом как раз тем, к чему он по своим природным задаткам больше всего способен» (4, т. 3, ч. 1, 433а). Как видим, в данных суждениях своих Платон прекрасно показывает пример конкретизации мудрости в справедливом решении проблемы успешного сочетания соотношения категорий целого и частей его применительно к разумной деятельности справедливого государства, что актуально всегда для подобных политических организаций.

Кстати, «красота» (прекрасное) Достоевского может спасти мир только и только в том случае, если она в определенной, должной мере включит в себя высокохудожественно оформленное истинное идейное содержание, силы по возможности всех или многих перечисленных выше добродетелей. То же самое может и должна своеобразно осуществлять каждая из последних.

Хорошо представлявший себе глубокую и острую противоречивость между добродетелями и антиподами их, Платон смог обнаружить также наличие равенства сил между данными противоположностями, указывая тем самым на трудности, сложности, серьезности и ответственности, непременно возникающие в ходе борьбы между ними, которых нельзя не учитывать. Это подтверждается в следующих суждениях его: «справедливость – это добродетель и мудрость, а несправедливость – порочность и невежество... но мы еще утверждали, что несправедливость могущественна» (4, т.3, ч.1, 350 д).

Далее Платон уточняет: «как относится справедливость к несправедливости? Ведь раньше было сказано, что несправедливость и могущественнее и сильнее справедливости. Теперь же, раз справедливость – это мудрость и добродетель, легко, думаю я, обнаружится, что она и сильнее несправедливости, раз та не что иное, как невежество» (4, т.3, ч.1, 351а).

Более того, афинский мыслитель выявляет также глубокую противоречивость внутри самих добродетелей. Так «из такого множества прекрасных вещей, – спрашивает он, – разве не найдется ничего, что может оказаться безобразным? Или из числа справедливых поступков такой, что окажется несправедливым, а из числа благочестивых – нечестивым?» – Да, эти вещи неизбежно окажутся в каком-то отношении прекрасными и в каком-то безобразными» (4, т.3, ч. 1, 479 а). Вот тут нельзя, однако, не заметить, что если бы Платон в своих данных суждениях был последовательным, то он под требованием логической необходимости признал бы наличие подобного же раздвоения в антиподах добродетели: справед-

ливого в несправедливом, прекрасного в безобразном, доброго в злом, мудрости в невежести, истины в заблуждении и т. д., каждый имел бы свою противоположность в самом себе, ведь, как говорится, нет худа без добра. Идти дальше по данному пути раздвоения не имеет смысла, поскольку он не ведет к обнаружению диалектического противоречия, а также сущности предметов, если не сказать, удаляет от решения этой важнейшей задачи. А возможность истинного метода раздвоения единого и выявления подлинных противоположностей Платон, повторяю, оставил, к сожалению, позади – там и тогда, где и когда он решил выбрать из вышеперечисленных 25-ти своих категорий лишь пятерых, построив из них тощую или пустую систему под именем «диалектика», оставив тем самым в наследие великое заблуждение с трудноразличимой печатью софистики длиной 2500 лет во временном измерении.

Не было бы этого заблуждения, если бы Платон к делу создания научной диалектики подошел путем конкретного исследования и должной разработки всех необходимых ее категорий, притом органически связав решение этой сложной и трудной задачи с тем великим багажом своего специального познания, вкратце изложенного в последних трех абзацах данной работы, а также имеющей еще большего значения своей практической философии. Тогда, кто знает, возможно, успешно реализовалось бы это важнейшее и мудрейшее дело. Тем не менее, можно сказать, что во всяком случае Платон своими достаточно глубокими и всесторонними познаниями находился в преддверии желаемой научной диалектики.

Переходя к характеристике третьего отдела философии Платона, думаю, что следует сказать о роли Академии в практической его деятельности. Академия поддерживала тесную связь со многими городами-государствами Древней Эллады, изучала их состояние, проблемы, оказывала всяческую помощь этим полисам в целях превращения их в сильные и справедливые общества, руководимые платоновским учением о совершенном государстве. В этом отношении Платон свои надежды больше всего связывал с работой полиса в родных и близких Афинах, а также полиса в далеких сицилийских Сиракузах. Специально для этого Платон совершил три путешествия в Сиракузы. Первое – для встречи с Дионисием I, состоявшейся до основания Академии, а второе и третье – с Дионисием II, сыном его, получившем власть в 367 году до н.э. Эти путешествия оказались для Платона неудачными – сиракузские властители не приняли проекта его по созданию идеального государства. В результате своих многолетних и глубоких исследований, Платон констатировал, что «ни одно из нынешних государственных устройств не достойно природы философа» (4, т.3, ч.1, 497 В).

Относительно же природы философов он писал, что их влечет веч-

но сущее, тождественное, бытие в целом, «правдивость, решительное неприятие какой бы то ни было лжи, ненависть к ней и любовь к истине» (4, т.3, ч.1, 485 в, с). Если таковые, т.е. подлинные философы, по Платону, будут властвовать в государствах, либо так называемые нынешние владыки станут благородно и основательно философствовать и это сольется воедино – государственная власть и философия, «когда властители нынешними почестями пренебрегут, считая их низменными и ничего не стоящими, и будут высоко ценить порядочность и ту честь, что с нею связано, но самым великим и необходимым будут считать справедливость; служа ей и умножая ее, устроят они свое государство» (4, т.3, ч. 1, 540 d e).

Примерно из подобных мудрейших понятий, мыслей, образных выражений, относящихся ко всем разделам философии, умело подобранных, искусно переплетенных, прилаженных друг другу, состоит все выдающееся, интереснейшее и полезнейшее диалектическое творчество Платона. Оно представляет собой своеобразный опыт великолепного сочетания, глубоко содержательного понятийного, логического мышления с образным, художественным воспроизведением действительности; опыт удачного соединения философии мудрости с филологией, литературой. Это диалогическое творчество стало также удобным и эффективным средством передачи информации своим современникам, а также всем последующим поколениям человечества. В этих диалогах перед читателями открываются в типических и конкретно-чувственных образах и ситуациях прекрасные сцены многосерийного зрелища, где мыслители, чаще реальные личности в центре с Сократом, иные философы и софисты ведут между собой эффективные и полезные беседы по разнообразным актуальным темам формирования истинной философии, общей, специальной и практической, а также вокруг своего времени и будущего страны; где нередки столкновения, соревнования мнений, содействующие развитию философской мысли, сопровождающиеся богатыми и привлекательными драматическими, комедийными сценами.

Примечательным примером рассматриваемого практического отдела философии выступает решение Платона вывести в центр большинства своих диалогов образ любимого своего учителя и большого друга Сократа. Этот образ, задуманный и блестяще представленный им, действует в них в качестве ведущего и главного носителя авторских идей, помыслов, являясь как истинное воплощение мудрости. Эта мудрость от произведения к произведению Платона, в речах, вопросах и ответах Сократа, а также в действиях и поступках его все ярче и ярче раскрывается, глубоко конкретизируется применительно ко всем сторонам жизни и деятельности людей, обнаруживая тем самым духовное богатство обоих мыслителей как Сократа, так и Платона, конечно же, и великое благородство вто-

рого по отношению к первому. Ведь у самого Сократа не было ни одного философского письменного произведения, так сказать, собственного творчества. Вот тут-то исследователи творчества этих мыслителей затрудняются перед вопросом: какие же идеи диалогов сократовские, а какие – платоновские? Вот найденное ими решение: первая половина из общего сорокалетнего творчества Платона освещает преимущественно идеи Сократа, вторая же – самого автора. В данной связи для Платона важно было, однако, достижение своей главной цели – показать читателям живой процесс развертывания, углубления и обогащения понятия мудрости, воплощенной в образе Сократа, как единство общего, типического и конкретно чувственного; а также, соответственно, и вполне основательно возвеличивая объективно имени своего учителя, добиваться справедливого осуждения организаторов незаконного судилища, приговорившего 70-летнего Сократа к смерти из-за идеи его. Таков был конец человека «самого лучшего из всех, кого нам довелось узнать на нашем веку, да и вообще самого мудрого и самого справедливого» – говорил Федон, присутствовавший в тюрьме при кончине Сократа, выпившего яд, врученный ему тюремщиком.

Завершив, наконец, краткое рассмотрение некоторых важнейших вопросов философии Платона, как ее величайшие достижения, так и отдельные идеалистические и софистические положения и обращаю внимание читателей еще на два интересных вопроса, поднятых им в диалоге «послезаконие»: 1) «можем ли мы обозначить одним именем то, что мы понимаем под мудростью. Если сделать это для нас очень трудно, то возникает другой вопрос: 2) «каковы виды мудрости и сколькими из них надо овладеть человеку, чтобы он был, согласно нашему мнению, мудрым? (5, т.3, ч. 2, 980 ас). На данные вопросы довольно удачно ответил Аристотель – гениальный ученик Платона, как – об этом речь в начале следующей моей статьи: «Учение Аристотеля о мудрости».

ЛИТЕРАТУРА

1. Античные философы (тексты). М.: МИФЛИ, 1935, 301 с.
2. Платон. Избранные диалоги. М.: Художественная литература, 1965, 442 с.
3. Платон. Сочинения в 3-т т., Т.II, М.: Мысль, 1970, 611 с.
4. Платон. Сочинения в 3-х т., Т.III, ч.1. М.: Мысль, 1971, 687 с.
5. Платон. Сочинения в 3-х т., Т.III, ч.2. М.: Мысль, 1972, 678 с.
6. Асмус В.Ф. Платон. М.: Мысль, 1975, 218 с.
7. Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. В 3-х кн., кн.II, Санкт-Петербург: Просвещение, 2006, 423 с.

PLATONUN MÜDRİKLİK HAQQINDA TƏLİMİ

В.Ə.YUSİFOV

XÜLASƏ

Müdrüklük haqqında Platonun təlimi qabaqcıl fəlsəfə ilə bədii ədəbiyyatın mükəmməl birliyinin gözəl nümunəsidir. Fəlsəfənin ümumi, xüsusi və praktiki bölmələrinin də qarışıq halda bu çətin əməliyyata ustalıqla qatılması Platonun dialoqlarını daha cəlbedici, oxunaqlı etmiş, bir növ çoxseriyalı möhtəşəm tamaşaya çevirmişdir. Müəllif məqalədə müdrüklük haqqında Platon təliminin bu və ya digər ölçüdə fəlsəfənin hər üç bölməsinə birlikdə səpələndiyini nəzərə almışdır, yəni onları həmin bölmələr üzrə ayrıca toplamış və təhlil etmişdir: ümumiləri hardasa başlanğıcda, xüsusiləri – ortada, praktikiləri – axırda. Dialektikanı ümumi fəlsəfənin mərkəzi və ən uca zirvəsi hesab edən Platon, onun 25 kateqoriyası barədə dəyərli mülahizələr söyləyib; onların sırasında mahiyyət, birgə və çoxlucanın olduqca vacib və problemləndirici olduğunu göstərmişdir. İnsanda, cəmiyyətdə, hər bir polisə bir-biri ilə çarpışan «iki başlanğıc» (güc, meyl, əkslik) olduğunu bildirən bu dahi afinalı xüsusi və praktiki fəlsəfə sahəsində elmi dialektikaya xeyli yaxınlaşmışdır.

Açar sözlər: müdrüklük, varlıq, mahiyyət, inkişaf, ziddiyyət, bircə, çoxluca, fəzilətlər, ədalət, gözəllik, insan, ideal dövlət

THE STUDY OF PLATON ON WISDOM

B.A.YUSIFOV

SUMMARY

The study of Platon on wisdom is a magnificent combination of the foremost philosophy and belles-lettres. Mixed combination of the three divisions of Philosophy: general, special and practical Philosophy makes Platon's dialogues more catching and grabbing and somehow turns them into magnificent multiseriate plays.

The author of the article considers the ideas of Platon on wisdom split under three sections of philosophy and collects and analyzes them on these separate divisions. General Philosophy at the beginning, special Philosophy in the middle, and practical Philosophy in the end.

Valuing dialectics as the peak of Philosophy, Platon provides appreciable judgements on its 25 categories.

The genius Athenian considerably approached to scientific dialectics in the field of special and general Philosophy marking the presence of clashing "two beginnings" (inclination, strength, opposition) in every man, in every society.

Key words: wisdom, existence, essence, progress, contradiction, unique, lot, virtue, justice, perfect, human, ideal state